

XVIII'in Sonu, XIX.yy'ın Başlarında Rus İmparatorluğu'nun Jeopolitiğinde Azerbaycan (Çağdaş Rus Tarihçiliği Üzerinden)

Marziya İskenderova*

ORCID:0000-0002-1545-9434

Öz

Bu makalede XVIII'in sonu, XIX.yy'ın başlarında Rus Devleti'nin Güney Kafkasya politikasında Azerbaycan'ın rolü meselesi birçok çağdaş Rus araştırmacısının çalışması üzerinden tarihsel açıdan tahlile tabi tutulmuştur. Rusya'nın XIX. yüzyılın başlarında Güney Kafkasya bölgesinde uyguladığı dış politikasının uzantısı olarak Azerbaycan'da gerçekleştirdiği işgal planlarına ilişkin Rus araştırmacılarının objektif yaklaşımları hakkında kapsamlı bir değerlendirme yapılmıştır. Rusya devletinin, gerçekleştirdiği genişleme politikası sırasında Azerbaycan'ı devamlılık ve amaçlılıkla işgal etmesine dair tezin sözkonusu çalışmalarda yer alması makalede kaydedilmiştir. Rus Devleti'nin Güney Kafkasya bölgesindeki büyük ölçekli planlarında çok önemli siyasi faktör olan Azerbaycan'ın jeostratejik ve ekonomik durumu hakkında araştırmacıların görüş ortaklığına sahip olmaları da açıklanmıştır. Rus Devleti'nin gerek bölgeye, gerekse Azerbaycan'a yönelik politikasında XVIII.yüzyılın sonu, XIX.yüzyılın başlarında da öncelikle kendi çıkarlarının egemenlik teşkil etmesi konusunda bir çok araştırmacının objektif tutumuna çağdaş Rus tarihçiliği üzerinden dikkat çekilmiştir.

Anahtar Kelimeler: Azerbaycan, II Katherine, göç politikası, Rus tarihçiliği,
Güney Kafkasya

Gönderme Tarihi: 05/05/2019

Kabul Tarihi:23/06/2019

* Doç.Dr., Azerbaycan Milli Bilimler Akademisi, A.A.Bakıhanov adına Tarih Enstitüsü,E-Posta:
marziya.i53@mail.ru

**Azerbaijan in the Geopolitics of the
Russian Empire at the end of the 18th - Beginning
of the 19th Century
(Based on Modern Russian Historiography)**

Marziya İskenderova

ORCID:0000-0002-1545-9434

Abstract

The article attempts to make a historiographical analysis on the issue of the role of Azerbaijan in the South Caucasian policy of the Russian state at the end of the 18th - early 19th centuries in a number of works by modern Russian researchers. A comprehensive assessment is given of the objective approach of Russian authors to the implementation of Russia's aggressive plans in Azerbaijan at the beginning of the 19th century as a result of the intensification of its foreign policy in the South-Caucasian region. The article shows the continuity and purposefulness of the Russian expansionist policy in relation to the mastery of Azerbaijan traced in these works. The common opinion of the authors of the works under consideration on the geostrategic and economic situation of Azerbaijan as the most important political factor in Russia's large-scale plans in the South Caucasus region is being clarified.

Based on modern Russian historiography the objective position of the majority of researchers regarding the dominant in the policy of Russia of its own interests in the region as a whole, and in Azerbaijan, in particular in the policy of the Russian state at the end of the 18th - early 19th centuries is elucidated.

Keywords: Azerbaijan, Catherine II, resettlement policy, Russian historiography, South Caucasus.

Received Date: 05/05/2019

Accepted Date: 23/06/2019

**АЗЕРБАЙДЖАН В ГЕОПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВВ.
(на основе современной российской историографии)**

Резюме

В статье предпринята попытка историографического анализа вопроса о роли Азербайджана в южнокавказской политике Российского государства в конце XVIII – нач. XIX вв. в ряде работ современных российских исследователей. Дается всесторонняя оценка объективному подходу российских авторов к реализации захватнических планов России в Азербайджане в начале XIX в. как итогу активизации её внешней политики в южнокавказском регионе. В статье показана прослеживаемая в указанных работах преемственность и целенаправленность российской экспансионистской политики в отношении овладения Азербайджаном. Выясняется общность мнения авторов рассматриваемых работ о геостратегическом и экономическом положении Азербайджана как важнейшем политическом факторе в широкомасштабных замыслах России в южнокавказском регионе. На основе современной российской историографии раскрывается объективная позиция большинства исследователей в отношении доминанта её собственных интересов в регионе в целом, и в Азербайджане, в частности в политике Российского государства в конце XVIII – нач. XIX вв.

Ключевые слова: Азербайджан, Екатерина II, переселенческая политика, российская историография, Южный Кавказ.

Получено: 05/05/2019

Принято: 23/06/2019

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина XVIII – нач. XIX вв. являются периодом значительных достижений Российской империи во внешней политике, к одному из которых относится захват ею в начале XIX века полностью территории Южного Кавказа, в том числе Азербайджана, что имело для царизма огромное стратегическое и экономическое значение.

Получение независимости Азербайджана и другие последовавшие за распадом Советского Союза процессы на Южном Кавказе, корни которых в значительной степени лежат именно в рассматриваемом периоде, обусловили потребность в повторном анализе событий того времени с учётом реалий сегодняшнего дня. Отсюда, и актуальность избранной темы, объективного историографического анализа современной российской историографии с оценкой подходов к ряду вопросов внешней политики Российского государства в Южном Кавказе, в том числе в Азербайджане, в конце XVIII – нач. XIX вв.

В работах современных российских исследователей, где получил освещение вопрос об изменении политики России с вступлением на престол Екатерины II, эта императрица, верно, представляется достойной преемницей военно-политических начинаний Петра I. В них поэтапно прослеживается наблюдаемая в этот период активизация российской политики в Южном Кавказе, обусловленная растущей мощью Российского государства. Авторы не только объективно связывают начало реализации интересов России в данном регионе с результатами русско-турецких войн (1768-1774, 1787-1791 гг.), а именно – ограничением влияния Турции на Южном

Кавказе и упрочением России в данном регионе. Более того, в историографии существует важный вывод о том, что «... уже во II половине XVIII века вопрос о присоединении Закавказья к России, как часть общего восточного вопроса, перешёл в область практической реализации».¹

Интересно и откровенно рассуждая о роли и месте Кавказа в целом в широкомасштабной восточной политике России, Я.Гордин даёт объективную и чёткую формулировку сути российской экспансии, «рождённой в петровский период и бурно возродившейся в екатерининский», «мощная инерция которой толкала их (русских генералов -М.И.) к испытанной методе тотального подавления».²

Следует отметить, что избранные Россией политические методы и средства и в указанный период направлены на достижение запрограммированной ещё Петром I цели, овладеть Азербайджаном, как занимавшим особенное место в политике России. Как показатель осторожной попытки России вновь закрепиться на южнокаспийском побережье рассматривается экспедиция Войновича (1781 г.), в результате которой был подписан торговый договор с губинским правителем Фатали-ханом, известным своей объединительной деятельностью.³

Говоря о проводимой Россией до 1783 г. политике «балансирования», предполагавшей обнадёживание одних, подкуп других, устрашение третьих, подчёркивая приоритетность крымского вопроса в её восточной политике, Дегоев В., перед которым стояла задача раскрыть сущность «политического соперничества... и международного противоборства» на Кавказе в целом, утверждает,

¹ Боцарников И.В., *Кавказская политика России в X-XX веках*, Москва: Экон.-информ, 2013, 23, 24.

² Гордин Я., *Кавказ: земля и кров, Россия в кавказской войне XIX века*, Санкт-Петербург: Звезда, 2000, 44, 54.

³ Курюкин И.В., *Персидский поход Петра Великого, Низовый корпус на берегах Каспия (1722-1735 гг.)*, Москва: Квадрига, Обыдененная редакция MVD России, 2010, 361.

что Россия не собиралась окончательно самоустраниться от южнокавказской проблемы.⁴

Даже проводимая Россией в условиях соперничества правителей политика сохранения в данном регионе баланса сил не помешала авторам выделить гегемонистскую политику российского правительства, объективно не скрывая столкновение с великодержавными амбициями картли-кахетинского царя Ираклия II и губинского Фатали-хана.

Раскрывая гибкость политики России, проводимой в противовес экспансионистским планам Ираклия II, автор говорит и о стремлении России создать на территории Иреванского, Нахчыванского и Гарабагского ханств* христианской Армении. Продуманность политики России подтверждается и на примере действий российских правящих кругов в отношении азербайджанских правителей в регионе, поддержкой или нейтралитетом которых стремилась заручиться, в частности, Екатерина II.⁵

Вместе с тем, чётко и верно преподносится главная цель российского правительства на Южном Кавказе, стремившегося не допустить преобладания в данном регионе «ни одного из соперников, будь то христианин и русский союзник Ираклий или мусульманские правители Фатали-хан, Ибрагим-хан или кто-либо ещё».⁶

Гегемонистская политика России нашла своё отражение в известном Георгиевском трактате (1783 г.) о принятии Грузии под российское покровительство, что нашло своё подтверждение в трудах

⁴ Deqoev V., *Bolşaya iqra na Kafkaze: İstoriya i sovremennost*, Moskva:Russkaya panorama, 2001, 24.

* Eti territorii İrakliy II predpoloqal vkladyt v sostav «Velikoy Qruzii».

⁵ Deqoyev V. Ukaz.rab., 29.

⁶ Tam je, 30.

современных российских исследователей.⁷ В них, с одной стороны, рассмотрены препятствия, чинимые Россией против реализации претензий Ираклия II на азербайджанские земли, а с другой – показана отрицательная реакция российского правительства на успешный поход Фатали-хана Губинского в Южный Азербайджан.⁸

В трудах исследователей красной нитью проходит мысль о том, что в своих действиях в южнокавказском регионе Россия руководствовалась лишь собственными интересами. Так, упоминаемые В.Дегоев и Я.Гордин, говоря об условиях подписания Георгиевского трактата, справедливо отмечают соблюдение Россией, прежде всего, национально-государственных интересов Российской империи и предпочтение даётся не христианско-гуманистическим мотивам, а стремлению использовать Грузию в качестве плацдарма для расширения русского влияния на Южном Кавказе.⁹

Однако, в обобщающем труде по истории России подчёркивается значимость заключения Георгиевского трактата для обеих сторон, якобы, с точки зрения облегчения борьбы кавказских народов против иранского и османского ига.¹⁰ Утверждение, конечно же, спорное, так как в указанный период ни османского, ни иранского гнёта на Южном Кавказе, не было. Существовала угроза со стороны Ирана. Но Георгиевский трактат никак не облегчил положение мусульманского населения региона.

Обострение противоречий в регионе в 90-х годах XVIII в. вновь показывает целенаправленность политики России в отношении Азербайджана. Ярким свидетельством тому в работах исследователей

⁷ Kurukin İ.V. Ukaz.rab., 362; Pilev A.İ., *Kafkaz v istorii russko-iranskix voyn XIX v. İzдание PQU (Pyatıqorskoqo Qos. İn-ta)*, Universitetskie çteniya, Çast 05, 2015, 94, 95.

⁸ Kurukin İ.V. Ukaz.rab., 362.

⁹ Deqoyev V. Ukaz.rab., 28-29; Qordin Y., Ukaz.rab., 46, 47.

¹⁰ «İstoriya Rossii XVIII-XIX vekov». *Pod red. Milova L.V.*, Moskva: Eksmo, 2006, 325.

выступают действия России, направленные на использование в своих интересах междоусобной борьбы за власть в Иране, и осуществление ею первой попытки утверждения в регионе. Речь идёт об известном походе во главе с В.Зубовым в 1796 году, подробно рассмотренном в ряде трудов современных историков. Авторы уделяют должное внимание изданному в связи с этим походом манифесту Екатерины II, где поводом для похода указано, якобы, желание «восстановить независимость ориентирующихся на Россию азербайджанских ханств».¹¹ Это является ещё одним свидетельством того, насколько важное значение придавала Россия Азербайджану. Следует указать, что, констатируя последнее, И.В.Курукин указывает лишь на нежелание России подчинения азербайджанских ханств Ага Мухаммеду Гаджару, но умалчивает о собственных захватнических намерениях России в отношении Азербайджана. Исследователи рассматривают поход В.Зубова как в ответную реакцию на вторжение Ага Мухаммеда Гаджара, затронувшего интересы России. Они также проследили процесс занятия российскими войсками таких азербайджанских городов как Дербент, Баку, Губа, Гянджа, подчёркивая, что эти города являются главными городами Южного Кавказа,¹² что раскрывает их позицию в отношении значимости овладения Азербайджаном для России, а также методов осуществления её гибкой и маневренной политики. Исследователи открыто утверждают, что этот поход, предполагал открытие Российской империи пути в Индию.¹³ Сравнив его с походом Петра I, И.Курукин верно усмотрел в нём повтор Прикаспийского похода, правда, более успешный.¹⁴ Таким

¹¹ Kurukin İ.V. Ukaz.rab., 363.

¹² Pilev A.İ., Ukaz.rab., 95; Kulikov A., Runov V., *Vse kafkazskie voyni Rossii*, Samaya polnaya ensiklopediya, Moskva: Yauza, Eksmo, 52; Deqoyev V. Ukaz.rab., 46.

¹³ Kurukin İ.V. Ukaz.rab., 363; Kulikov A., Runov V., Ukaz.rab., 52.

¹⁴ Kurukin İ.V. Ukaz.rab., 363.

образом, налицо преемственность политики Российского государства в отношении как Азербайджана, так и Южного Кавказа – в целом, достаточно выраженная авторами не только в завершении Екатериной II дела, ранее начатого Петром I, но и в установлении российского контроля «за кратчайшим торговым путём в Персию, Индию и на Ближний Восток».¹⁵

В связи с этим, вызывают интерес рассуждения И.В.Курукина о том, что «... Прямых экономических целей поход В.Зубова как будто не ставил, однако, надо сказать, что в конце XVIII – начале XIX века победы российского оружия порождали мечты о лёгких путях к несметным богатствам Востока».¹⁶

В связи с вышесказанным, уместно будет представить суждение азербайджанского историка Мустафазаде Т. о сознательном безразличии российского правительства к приготовлениям Ага Мухаммеда к походу в Азербайджан и подвластную России Грузию, чтобы в дальнейшем использовать гаджарскую угрозу в качестве повода для осуществления своих захватнических планов в данном регионе.¹⁷

Вместе с тем, следует отметить и сомнения упоминаемого ранее А.В.Шишова по поводу реальности выдвинутых версий о походе В.Зубова, как начале претворения захватнических планов в данном регионе, завершённых Россией в начале XIX в. Шишов утверждает, что народы Кавказа сами искали защиты в лице России.¹⁸ Впрочем, это не мешает автору прийти к уверенному выводу о том, что «... у великой по размаху внешнеполитических деяний Екатерины II были

¹⁵ Kulikov A., Runov V., Ukaz.rab., 52; Deqoyev V. Ukaz.rab., 46.

¹⁶ Kurukin İ.V. Ukaz.rab., 364.

¹⁷ Mustafazade T.T., *Azerbaycan-Russiya münasibetleri (XVIII esrin ikinci yarısı – XIX esrin evvellerinde)*, Bakı: Şerq-Qerb, 2013, 198.

¹⁸ Şişov A.V., *Sxvatka za Kavkaz XVI-XX vv.*, Moskva: Veçe, 2005, 143-144.

действительно великие замыслы по расширению пределов Российской державы».¹⁹ Таким образом, сталкиваемся с типичной позицией, созвучной взглядам «великодержавных» русских историков.

Освещение событий конца XVIII в. не раз сопровождается подменой захватнической политики России в Южном Кавказе её якобы освободительной миссией. Неслучайно, вышеуказанный поход В.Зубова рассматривается как добросовестное выполнение Россией своих обязательств по Георгиевскому трактату.²⁰ При этом игнорируется тот факт, что азербайджанские ханства Георгиевский трактат не подписывали и русские войска не призывали.

Авторы выражают общую точку зрения по поводу завершения похода, связав его с отзывом русских войск, вступившим на престол новым императором Павлом I.²¹

Если некоторые исследователи связывают отзыв российских войск с противоречиями во взглядах Екатерины II и Павла I на южнокавказскую политику,²² то А.Куликов, В.Рунов связывают этот акт также с отсутствием у Зубова «сил и, главное, условий для закрепления достигнутого успеха».²³

Хотя В.Дегоев отнёсся к вышеотмеченному приказу российского императора как к «осмысленному побуждению, порождённому его собственными представлениями о пользе России»,²⁴ вместе с тем подтверждается ранее высказанная им мысль о том, что Россия, даже после вывода своих войск из Южного Кавказа, не ушла оттуда.²⁵

¹⁹ Там же, 144.

²⁰ Şişov A.V., Ukaz.rab., 114.

²¹ Kurukin İ.V. Ukaz.rab., 365; Kulikov A., Runov V., Ukaz.rab., 32.

²² Boçarnikov İ.V. Ukaz.rab., 25; Pilev A.İ., Ukaz.rab., 95.

²³ Kulikov A., Runov V. Ukaz.rab., 54.

²⁴ Deqoyev V. Ukaz.rab., 47.

²⁵ Там же, 48.

Подчеркнув политическую и стратегическую значимость Кавказа в целом для восточной политики царизма, авторами конкретизируются цели и задачи этой политики, среди которых возможность приобретения новых рынков сбыта и источников сырья, обладание проходившими отсюда торговыми путями, что принесло бы большие доходы российской казне.²⁶

Следует отдать должное исследователям, осветившим в своих работах как противостояние в южнокавказском регионе трёх империй – Османской, Гаджарской и Российской, так и подстрекательскую роль Англии и Франции. По мнению И.В.Бочарникова, именно в параллельных интересах этих европейских государств в южнокавказском регионе, заложена основа их конфронтационной политики по отношению к Российскому государству.²⁷

Известно, что в начале XIX в. Россия приступила к реализации своей давно предначертанной политики, направленной на завоевание региона. Исследователь А.И.Пылев воспринимает это, как итог предпринятых в XVIII веке попыток реализации данной цели, утверждает, что Россией был взят «решительный курс на окончательное решение «закавказского вопроса» и непосредственное включение в империю христианских народов Грузии, Армении, а также некоторых ханств», несмотря на занятость её европейскими делами.²⁸ Говоря об Армении, автор, вероятно, имеет в виду территорию нынешней Армении, которой в рассматриваемый период на Южном Кавказе не было, а эта территория была населена испокон веков азербайджанцами, создавшими здесь в XVIII веке Иреванское ханство.

²⁶ «İstoriya vneşney politiki Rossii. Pervaya polovina XIX veka (Ot voyn Rossii protiv Napoleona do Parijskoqo mira 1856 q.)», Moskva: Mejdunarodne otnoşeniya, 1999, 22.

²⁷ Боçарников İ.V. Ukaz.rab., 31.

²⁸ Pilev A.İ. Ukaz.rab., 95.

К началу указанного процесса относится присоединение к России Восточной Грузии, в состав которой входили азербайджанские земли – Газахское, Борчалинское, Шамшадильское султанства. Констатируя осторожный подход к «восточному вопросу» в нач. XIX в., российские авторы справедливо относят к нему, в широком смысле, и российскую политику в Южном Кавказе, в т.ч. и присоединение Грузии к России.²⁹

Здесь уместно будет упомянуть статью армянского исследователя Мелконяна А., в которой обоснованием для оценки присоединения Восточной Грузии к России, как переломного события в деле активизации России с целью утверждения в Южном Кавказе, служила, по признанию самого автора, отведённая этой территории роль плацдарма «для дальнейшего продвижения как в персидско-подданные ханства, так и в направлении Ахалцихского и Карского пашалыков Османской империи».³⁰ Автор не только выдаёт находящиеся в составе Восточной Грузии азербайджанские земли (Лори, Шамшадин, Памбак) за армянские, но и отрицает существование независимых азербайджанских ханств со II половины XVIII в. Более того, автор обвиняет Цицианова, проводника жёсткой колониальной политики царизма, в организации насильственного переселения якобы «армянского населения Ереванского ханства в русские владения (Борчалинскую дистанцию)».³¹ Таким образом, игнорируется не только Иреванское ханство, как историческая территория Азербайджана, с проживавшим здесь азербайджанским населением.

²⁹ «İstoriya Rossii ...», 496.

³⁰ Melkonyan A.A., *İstoriyo-politiçeskoje znaçeniye prisoedineniya Vostoçnoy Armenii k Rossii (1801-1828 qq.)*, science, rau.am/rus/50/349.(15.06.2019).

³¹ Там же.

Манифест Александра I 1801 года воочию убеждает в преимуществах и целенаправленности российской экспансионистской политики в отношении твёрдости утверждения в южнокавказском регионе, нежелания «обратить вспять закавказский вектор в политике России».³² А сам акт в работе И.В.Бочарникова представлен как логическое продолжение политики Екатерины II и Павла I.³³

Неудивительно, что И.В.Курукин оправдывает включение согласно Манифесту 1801 года Восточной Грузии в состав России тем, что раздираемая внутренними распрями Грузия не могла стать надёжным тылом для России.³⁴ Данная позиция автора в отношении христианского государства тем более позволяет предположить идентичное отношение и к Азербайджану. Более того, авторы преподносят указанное событие как происшедшее по просьбе самого грузинского народа,³⁵ что фактически выражает схожую позицию историков советского времени.

Вывод авторов коллективной монографии «История Дагестана с древнейших времён до наших дней» о завершении процесса добровольного присоединения Грузии к России подкрепляется представлением действий и цели России в южнокавказском регионе исключительно благородными, особо подчёркивается значимость этого события «не только для судеб грузинского народа, но и для всего Кавказа».³⁶

В действительности Восточная Грузия сыграла роль плацдарма для завоевания Россией азербайджанских ханств. Умело

³² Pilev A.İ. Ukaz.rab., 95.

³³ Boçarnikov İ.V. Ukaz.rab., 27.

³⁴ Kurukin İ.V. Ukaz.rab., 365.

³⁵ Там же.

³⁶ «İstoriya Daqestana s drevneyşix vremen do našix dneuy». Tom.1, Moskva: İzdatelstvo Nauka, 2005, 454.

воспользовавшись смертью грузинского царя Георгия XII и дворцовыми распрями, российские войска были введены в Грузию.

В упоминаемой работе И.В.Бочарникова, наряду с правомерным утверждением о том, что присоединение Грузии явилось событием, определившим всю политику России на Кавказе в целом,³⁷ автор в то же время считает решение о присоединении Восточной Грузии «едва ли обоснованным», мотивируя это тем, что такое решение «... противоречило традициям кавказской политики России – невмешательства во внутренние дела сопредельных народов и государств».³⁸

Вместе с тем, следует отметить, что борьба за престол в Грузии могла явиться лишь катализатором. Известно, что кавказская политика России в целом, и в Азербайджане в частности, уже с XVII в. отличалась исключительно её завоевательными устремлениями.

Рассматривая процесс завоевания российской армией азербайджанских ханств, А.Куликов и В.Рунов подчёркивают значимость завоевания Гянджинского ханства (январь 1804 г.).* Гянджинского ханство, сразу после завоевания, было ликвидировано, Гянджу переименовали в Елизаветполь, а главнокомандующего российскими войсками на Кавказе Цицианова представили к награде.³⁹

Хотя в некоторых работах процесс завоевания Россией Азербайджана, как и Южного Кавказа, в целом, завершённый известными Гюлистанским и Туркменчайским договорами, освещается в военном ракурсе, сталкиваясь с признанием

³⁷ Boçarnikov İ.V. Ukaz.rab., 28.

³⁸ Там же, 27.

* V rabote iqnoriruetsya захват v 1803 q. Posle Qruzii territorii Djaro-Belokanskix djamaatov i İlisuyskoqo sultanstva.

³⁹ Kulikov A., Runov V. Ukaz.rab., 60.

применения царизмом методов заигрывания и задабривания ханов и правителей,⁴⁰ что, естественно, свидетельствует о решимости царизма применить весь арсенал методов и способов для завоевания региона. Вместе с тем, оправдывая захватническую политику России и руководствуясь шовинистическими чувствами, авторы упоминаемого обобщающего труда «История России...» оставляют в тени политику лавирования и сопротивления, осуществляемую местными правителями, в частности, азербайджанскими. Игнорируя мирные договоры, которые вынуждены были заключить с Россией правители ряда ханств – Гарабагского, Шекинского и Шемахинского,* авторы фальсифицируют данный вопрос, представив присоединение этих ханств к России якобы в результате «активных наступательных действий» Цицианова в начавшейся российско-гаджарской войне (1804-1813 гг.).⁴¹

Неудивительно, что, оставаясь последовательно необъективным, А.В.Шишов сводит суть политики России в данном регионе к мнимому совпадению интересов южнокавказских народов со стремлением самой России «к присоединению земель Кавказа, как опорного стратегического плацдарма с побережьями сразу двух морей» и превозносит деятельность такого жестокого и кровожадного колонизатора, каким являлся Цицианов.⁴²

Определённый интерес представляет позиция авторов упоминаемой ранее «Истории внешней политики...», где завершение завоевания Южного Кавказа Россией преподносят не только как результат экспансии, но и «добровольного» подписания мирных

⁴⁰ Там же, 84.

* Kyurekçayskie doqovori bili podpisani 14 maya 1805 q. mejdu qarabaqskim xanom i Rossiey, 21 maya 1805 q. Mejdu şekinskim xanom i Rossiey. V dekabre 1805 q. bil zaklyuçyon doqovor s Şemaxinskim xanstvom.

⁴¹ «İstoriya Rossii ...», 497.

⁴² Şişov A.V. Ukaz.rab., 153,160-169, 220-226.

договоров с отдельными правителями ханств, «обращавшихся с прошениями о принятии их в подданство России ...». ⁴³ Вместе с тем они пытаются оправдать захватнические амбиции России в отношении Кавказа в целом якобы возросшей пророссийской ориентацией южнокавказских, в том числе азербайджанских правителей после присоединения Восточной Грузии к России. В подтверждение своего тезиса авторы ссылаются на давние связи с Россией, внутренние распри в ханствах и гаджарскую опасность. ⁴⁴

Здесь уместно и объективно следовало бы учесть, что заключённые между Россией и азербайджанскими правителями договоры носили вынужденный, но не добровольный характер. Известно, что обращения ряда азербайджанских ханов за помощью к России являлось лишь проявлением проводимой ими политики лавирования. Однако в историографии этот момент или вовсе не учитывается, или же пророссийские и проиранские настроения южнокавказских народов необоснованно раздуваются. Привлекает внимание и проявление двойных стандартов. Так, авторы в целом признают, что политика, как России, так Гаджарского и Османского государств в отношении Южного Кавказа, носила колониальный характер. И в то же время авторы отмечают, что в этом противостоянии государств народы Южного Кавказа поддерживали именно Россию в борьбе за овладение этим регионом. ⁴⁵ Хотя совершенно очевидно, что мусульманские народы Кавказа, в т.ч. и азербайджанцы, вряд ли радовались победам и успехам России в этой борьбе. Любые шаги в сторону России со стороны мусульманских народов можно расценивать лишь как вынужденные меры. Не стоит

⁴³ «İstoriya vneşney politiki ...», 22.

⁴⁴ Там же, 214.

⁴⁵ «İstoriya vneşney politiki ...», 214-215, 216.

забывать, что захватнические походы Ага Мухаммеда Гаджара имели юридическое обоснование, поскольку Южный Кавказ некогда входил в состав Сефевидского государства. Царизм же не имел никакого права на эти земли.

Действенная же политика лавирования азербайджанских правителей отвечала естественному стремлению отстоять независимость своих государств – ханств.

Вместе с тем, справедливо констатируя завершение русско-турецких (1806-1812 гг., 1828-1829 гг.) и русско-иранских (1804-1813 гг., 1826-1828 гг.) войн территориальными приобретениями России на Кавказе в целом, в частности в Азербайджане, И.Бочарников неверно трактует условия Гюлистанского и Туркменчайского договоров. Как и большинство российских историков советского периода, ряд современных исследователей ошибочно и сознательно выдают западные азербайджанские земли, в частности –территории Иреванского и Нахчыванского ханств, за «Восточную Армению», населённую, по их мнению, «в основном армянами».⁴⁶ А завоеванное Россией в результате первой русско-иранской войны (1804-1813 гг.) Лянкяранское ханство Бочарников представляет двумя ханствами – Талышским и Лянкяранским,⁴⁷ что говорит о несовершенстве его познаний в области истории региона в целом, и Азербайджана – в частности.

В этой же работе даётся оценка аннексии Россией южнокавказских территорий, как неизбежного акта, одной из причин которого указывается отсутствие в южнокавказском регионе «...

⁴⁶ «İstoriya vneşney politiki ...», 220, 223; Boçarnikov İ.V. Ukaz.rab., 29.

⁴⁷ Boçarnikov İ.V. Ukaz.rab., 29.

реальной политической силы, заинтересованной в самостоятельном развитии Грузии (равно как и в Армении и Азербайджана)».⁴⁸

Действительно, в Азербайджане после смерти Фатали хана Губинского, известного своей объединительной деятельностью, не было реальной политической силы, способной противодействовать российскому завоеванию. Именно раздробленность Азербайджана явилась одним из определяющих факторов, усиливавших геополитические интересы России и обусловивших реализацию её захватнических планов в данном регионе.

Вызывает чувство глубокого разочарования и сожаления попытка ряда авторов исказить историческую действительность относительно западных земель Азербайджана.⁴⁹ Армянскими эти земли были названы лишь в конце 20-х годов XIX века царским правительством, которое завоевав их, образовало здесь т.н. «Армянскую область», создавая искусственным путём буферную христианскую территорию на границе с Османской империей и Ираном. Никакой армянской государственности, никаких территорий компактного проживания армян на Южном Кавказе к моменту завоевания этих территорий Россией не было. Более того, условия Туркменчайского и Адрианопольского договоров свидетельствуют о том, что армяне были переселены на Кавказ из Ирана и Турции. До создания этой пресловутой «Армянской области» это были территории Нахчыванского и Иреванского ханств. Исходя из политических соображений в период советской власти территорию Армянской ССР, в советской историографии стали называть «Восточной Арменией», спасённой от мусульманского гнёта в результате завоевания Россией. Так, на исконно азербайджанских

⁴⁸ Там же, 36.

⁴⁹ Там же, 44; Melkonyan A.A., *İstoriko-politiçeskoje znaçeniye*, science, rau.am/rus/50/349.(15.06.2019).

землях было создано армянское государство, которое, мало того, ещё и претендует на остальные земли Азербайджана.

В частности, исследователь Мелконян А., говоря об итогах русско-иранской войны (1804-1813 гг.), представляет такие азербайджанские земли как Гарабагское ханство, в том числе Зангезур, Восточный Ширак (Шорагяльский султанат) территориями Восточной Армении, отошедшими к Российской империи согласно Гюлистанскому договору.⁵⁰

Ряд авторов отказываются признавать исторические реалии, хотя в современной историографии уже априори, что демографическая картина на указанных выше территориях Азербайджана была изменена в результате переселенческой политики царизма. В частности, именно царизм массово переселил на территорию Азербайджана армянское население.⁵¹ Так, вопреки историческим фактам, тот же А.Мелконян утверждает, что политика России позволила «восстановить прежний демографический облик большей части Восточной Армении тем самым создав в перспективе необходимые предпосылки для создания армянской государственности на одной десятой части исторической Армении».⁵² При этом автор не утруждает себя обоснованием данного тезиса, хотя совершенно очевидно, что обосновать это ложное утверждение невозможно.

Тяжкими последствиями для Азербайджана завоевания этой территории Россией стала потеря азербайджанским народом своей государственности – ханств, создание на исконно азербайджанских

⁵⁰ Melkonyan A.A., *İstoriko-politiçesкое znaçeniye*, science, rau.am/rus/50/349.

⁵¹ «İrevanskoe xanstvo: rossiyskoe zavoevanie i pereselenie armyan na zemli Severnoqo Azerbaycana, Kollektivnaya monoqrafiya pod red. prof. Maxmudova Y., Baku, Şerq-Qerb, 2010, 375-379, 382-391, 396-403, i dr.

⁵² Melkonyan A.A., *İstoriko-politiçesкое znaçeniye*, science, rau.am/rus/50/349.

землях сначала т.н. «Армянской области», а после падения царизма – никогда не существовавшей на Кавказе армянской государственности.

Вместе с тем, если ряд авторов повторяют ошибку предшествующих историков советской эпохи, представляя территорию Иреванского и Нахчыванского ханств Восточной Армении, то Шишов обращает внимание на вопрос об образовании Армянской области вместо на территории упразднённых царизмом Иреванского и Нахчыванского ханств.⁵³

Следуя традициям советской историографии, современные российские авторы продолжают оправдывать завоевание Россией территории Азербайджана её особой миссией по прекращению междоусобной борьбы в данном регионе.⁵⁴ Бочарников делает вывод о том, что Россия «его (Кавказ -М.И.) отвоевывала у региональных держав, стремившихся к гегемонизму в регионе, и защищала народы Кавказа от проявлений местного экстремизма».⁵⁵

Следует отметить, что образовавшиеся в середине XVIII в. на территории Азербайджана ханства, а также Восточная Грузия были независимыми государствами. Если Иран, также как и Россия, стремились их завоевать, то Грузия заняла оборонительные позиции. О каком экстремизме может идти речь?

Бочарников, вслед за исследователями советской эпохи не только оправдывает упрочение позиций России в регионе, но и считает основой реализации политики России пророссийскую ориентацию населения, «для которого Россия являлась гарантом собственной безопасности, самобытности, а также условием экономического, политического, социального и духовного

⁵³ Şişov A.V. Ukaz.rab., 291-294.

⁵⁴ Boçarnikov İ.V. Ukaz.rab., 37.

⁵⁵ Tam je, 253.

развития».⁵⁶ Относительно мусульманского населения Кавказа подобное заявление совершенно безосновательно. Если пророссийская ориентация населения была так сильна, то чем объясняется жестокое убийство Джавад хана Гянджинского, сопротивление, оказанное русским войскам в Бакинском, Губинском, Эриванском, Нахчыванском ханствах. Подписание же с Россией договоров Гарабагским, Шекинским, Шемахинским и Ленкоранским ханствами было продиктовано необходимостью сохранить ханство пусть даже в составе России, и избежать бессмысленного кровопролития.

Более того, представив Россию якобы спасительницей южнокавказских народов, авторы дают одностороннюю оценку Гюлистанскому и Туркменчайскому договорам, естественно, проигнорировав те тяжкие последствия, которые они принесли этим народам, в частности – азербайджанскому.⁵⁷

В работе «История Дагестана ...» Гюлистанский и Туркменчайский договоры также расцениваются, как закономерное завершение давно начатого процесса присоединения южнокавказских и дагестанских владений к России, а русско-иранские войны (1804-1813, 1826-1828 гг.) искаженно даны, как «объективно освободительные» для Кавказа.⁵⁸

Проявлением субъективного подхода можно считать рассуждения исследователя Пылева по поводу «измены» России ряда азербайджанских ханов. Так он расценил поднятые ими антироссийские мятежи в ходе второй русско-иранской войны (1826-1828 гг.). Однако рассматриваемые Пылевым факторы вовсе не

⁵⁶ Воçарников İ.V. Ukaz.rab., 254.

⁵⁷ «İstoriya Rossii ...», 497, 572.

⁵⁸ «İstoriya Daqestana ...», 467,470,487-491.

являются и не могут являться обоснованием для утверждения, что эти выступления против колониальной политики царизма являются «изменой», соответствующей «местному менталитету». В частности, в качестве факторов он приводит авторитетность на Востоке превосходящих сил гаджаров, а также единоверие с гаджарами, хотя они и были номинально захватчиками.⁵⁹ Но о жестоком режиме, установленном царизмом в захваченных ханствах автор не упоминает.

Рассуждая об отказе России от дальнейшей экспансии в Южный Азербайджан, автор приводит разные версии по данному вопросу, а в итоге предполагает, что этот шаг можно объяснить осознанием Петербургом, что «отсутствие конфронтации с Ираном поможет укрепить в Тегеране русское влияние».⁶⁰

Связав результаты своего исследования с современными реалиями, Пылев отмечает неизменность российско-иранских сформировавшихся в результате подписания Гюлистанского и Туркменчайского договоров границ, как неизменную «к периоду образования на кавказских рубежах России независимых государств СНГ».⁶¹

Признание важного значения подписания и последствий Туркменчайского договора свидетельствует о той высокой роли, которая отводится Азербайджану, как политическому фактору во внешней политике Российского государства. Говоря о результатах подписания Туркменчайского договора, авторы отмечают укрепление стратегических позиций России в Южном Кавказе и справедливо расценивают этот договор, как удар по влиянию Великобритании на Среднем Востоке. К главным его последствиям относят также

⁵⁹ Pilev A.İ. Ukaz.rab., 98.

⁶⁰ Pilev A.İ. Ukaz.rab., 99.

⁶¹ Tam je.

завершение присоединения, так называемой, Восточной Армении.⁶² Правильнее было бы назвать это не присоединением, а созданием Россией «Восточной Армении» на западных землях Азербайджана, не являвшихся до того местом компактного проживания армян.

В работе Шишова, также подробно изложившего все перипетии подписания Туркменчайского мирного договора, пристальное внимание уделено присоединению к России Нахчыванского и Иреванского ханств.⁶³ Судя по изложению, он стремился наглядно продемонстрировать особую важность этого факта для достижения Россией своей цели в данном регионе.

⁶² «İstoriya vneşney politiki ...», 225.

⁶³ Şişov A.V. Ukaz.rab., 291-294.

АКЛЮЧЕНИЕ

Вышеизложенное позволяет прийти к заключению о том, что географическое, экономическое и стратегическое положение Азербайджана определяли его значимость, как политического фактора в широкомасштабных замыслах Российского государства в конце XVIII – нач. XIX вв. в южнокавказском регионе. Авторы рассматриваемых работ единодушны в том, что этот регион постоянно оставался в центре пристального внимания России и для его захвата она, использовала все доступные ей способы.

Большинство авторов приходят к выводу о том, что в своей политике в Южном Кавказе, в т.ч. и в Азербайджане Россия исходила в основном из собственных интересов.

Вместе с тем, ряд исследователей продолжают придерживаться тезиса об исторической предопределённости завоевания, как Кавказа – в целом, так и Азербайджана – в частности, приписывая при этом России миссию спасительницы народов Кавказа.

Literatura

BOÇARNIKOV, İ.V., *Kafkazskaya politika Rossii v X-XX vekax*, Moskva: Ekon.-inform, 2013.

QORDIN, Y., *Kavkaz: zemlya i krov, Rossiya v kafkazskoy voyne XIX veka*, Sankt-Peterbur: Zvezda, 2000.

KURUKIN, İ.V., *Persidskiy poxod Petra Velikoq, Nizovoy korpus na bereqax Kaspiya (1722-1735 qq.)*, Moskva: Kvadriqa, Obyedenennaya redaksiya MVD Rossii, 2010.

DEQOEV, V., *Bolşaya iqra na Kafkaze: İstoriya i sovremennost*, Moskva: Russkaya panorama, 2001.

PILEV, A.İ., *Kafkaz v istorii russko-iranskix voyn XIX v. İzдание PQU (Pyatiqorskoqo Qos. İn-ta)*, Universitetskie çteniya, Çast 05, 2015.

«İstoriya Rossii XVIII-XIX vekov». *Pod red. Milova L.V.*, Moskva: Eksmo, 2006.

KULIKOV, A., RUNOV, V., *Vse kafkazskie voyni Rossii, Samaya polnaya ensiklopediya*, Moskva: Yauza, Eksmo, 2013.

ŞIŞOV, A.V., *Sxvatka za Kavkaz XVI-XX vv.*, Moskva:Vece, 2005.

«İstoriya vneşney politiki Rossii, Pervaya polovina XIX veka (Ot voyn Rossii protiv Napoleona do Parijskoqo mira 1856 q.)», Moskva: Mejdunarodnie otnoşeniya, 1999.

MELKONYAN, A.A., *İstoriko-politiçeskoe znaçeniye prisoedineniya Vostoçnoy Armenii k Rossii (1801-1828 qq.)*. – science, rau.am/rus/50/349.(15.06.2019).

«İstoriya Daqestana s drevneyşix vremen do naşix dneyn», Tom.1, Moskva: İzdatelstvo Nauka, 2005.

«İrevanskoe xanstvo: rossiyskoe zavoevanie i pereselenie armyan na zemli Severnoqo Azerbaycana, Kollektivnaya monoqrafiya pod red. prof. Maxmudova Y., Baku, Şerq-Qerb, 2010.

MUSTAFAZADE, T.T., *Azerbaycan-Rusiya münasibetleri (XVIII esrin ikinci yarısı – XIX esrin evvellerinde)*, Bakı: Şerq-Qerb, 2013.